

- Кому вы хотели подражать, когда вышли на сцену впервые?

- Я первый раз вышел на сцену в школе. Был то ли 1961, то ли 1962 год. Телевизора у меня не было, и потому я не знал, на кого быть похожим. Это сейчас мне часто подсказывают: мол, вы, наверное, хотели подражать Райкину, но я тогда толком и Райкина не знал. И первый раз выходя на сцену, думал об одном: не опозориться бы. А играл я в школьном драмкружке ряженого, Медведя. Роль без слов, хотя кривлянья довольно много там было. Я вышел на сцену в медвежьей шкуре, так что узнать меня никто не мог, и тем не менее я помню, очень волновался. В такой роли подражать Райкину, Тихонову или Бернесу мне было трудновато.

- Свои эстрадные миниатюры вы пишете для себя сами. А кем больше себя чувствуете - автором или исполнителем?

- Пожалуй, все-таки больше автором. Ведь если бы я не думал как автор, не имел бы своей точки зрения, мне нечего было бы делать на сцене и как актеру.

- Вы часто концертируете за границей. Скажите, смех у нас и у них - есть ли тут различия?

- Совсем недавно вернулся с гастролей по Израилю. С этой страной никакой разницы. Израиль давно стал нашей союзной республикой, даже на улице там за границей себя не чувствуешь: точно так же узнают, приглашают, заывают и просят автографы. Да там русский сейчас практически второй язык! Вот наши бывшие союзные республики отсоединились, а Израиль вроде как присоединился. Но вообще от этой моей последней поездки у меня осталось тяжелое впечатление. Мы, живя в Советском Союзе, думали, что евреи все очень умные, а там евреи и токари, и пекари, и на скрипке играют, и ученые великие, но долго жить среди них утомительно, очень уж шумные и заносчивые. Словом, я понял, что наши евреи - русские советские - самые лучшие евреи в мире, так что нашими я горжусь!

- Что помогает вам подмечать в жизни смешное - склад ума, характер, природная наблюдательность?

- Часто мне хотелось подражать разным авторам: О. Уайльду, Чехову, хотя последнее практически недостижимо, слишком высокий класс мастерства. Уайльд привлекал меня своими афоризмами, хотелось самому высказывать такие же парадоксальные, но верные мысли. И вот когда я начал пытаться говорить афоризмами, волей-неволей пришлось стать наблюдательнее. Впрочем, у меня, наверное, и способности к этому есть.

- Вы развивали в себе эту остроту чувствования?

- Думаю, способность подмечать развил во мне отец. Он всегда хотел, чтобы я не был таким, как все, чтобы не подчинялся жесткой формуле жизни. Когда в школе нам рассказали, что мы живем в самой хорошей стране мира, я помню необычайно гордился этим. "Имей в виду, - сказал мне отец однажды, - что в школе не всегда правильно говорят". Я тогда очень обиделся, что меня лишили веры в великое государство.

А когда умер Сталин, сестра сильно плакала, отец зашел к нам в комнату и тихо произнес: "Не стоит плакать, он вообще не такой уж хороший дядя был". Я тоже этого понять не мог, ведь тогда все плакали. А последний случай произошел совсем недавно, в начале перестройки. Стали выступать с трибун молодые демократы, говорили ярко и очень интересно, продолжая мысли диссидентов. Вот диссидентов-то отец никогда и не любил, он всегда считал их спекулянтами. "Что те, что эти - все воры", - сказал он, увидев по телевизору какой-то митинг. И я в третий раз обиделся: как же можно не видеть демократического будущего России. Сейчас я, конечно, так не думаю, я понял, как он был прав. Мой отец ушел из жизни после развала СССР, не желая еще раз принимать надежду, которой потом не суждено было сбыться. Да, он не был человеком закодированным: не только не был в партии, но и тусовок (тогда, конечно, такого слова не было) избегал. Многие думают, что он вообще жил в прошлом веке, тем более он писал исторические романы.

меня спрашивают: ваш род не от того Задорнова, что в прошлом веке жил. Этот человек значил для меня много, я считаю, и именно ему я обязан своим воспитанием.

- Кстати, ваш самый любимый афоризм?

- Нет такого. Нет любимого романа, нет любимой песни - есть то, что мне в данный момент нравится. Любовь к чему-то одному я считаю признаком примитива. Вот недавно я услышал афоризм: "Жизнь - самая вредная штука, от нее все умирают!" И он на сегодня для меня актуален.

- На сцене вам приходится солировать, а нет ли желания сыграть в ансамбле, принять участие в каком-нибудь спектакле?

- Опыт подобный у меня есть.

Сначала играл в студенческой са-

доброжелательная. На гастролях иногда случается так, что в одном концерте из двадцати попадаетесь тяжелой зал. Определенный контингент: как правило, публика нечитающая, тяжело работающая и смотрящая телевизор - они не приучены долго думать над чем-то. Кстати, во многом сегодняшняя журналистика и эстрада привели людей к этому. Слушатель не может уже слушать длинные рассказы, он привык к анекдотам. Две три фразы, и он должен уже засмеяться. К сожалению, в этом мы все больше походим на иностранцев. Американцы, например, вообще не восприни-

церкви. Они соглашаются со мной, смеются. Он, конечно, снова пойдет воровать на следующий день, я не обольщаюсь, но пока идет концерт, он со мной согласен: да, так оно и есть!

- Как вы избавляетесь от стресса?

- Иногда от стресса помогают концерты. Публика дает хорошую энергию, идет энергообмен, и это лечит. Бывает от стресса из-

ся до упаду, и не знал никакого чувства меры, оно и появилось-то у меня не так давно: когда пришла мысль, что так и загнуться недолго.

- Таким образом вы самоуверждались?

- Нет, у меня такой характер, темперамент. Самоутверждение, конечно, тоже присутствовало. Вот, допустим, играешь в теннис, но не час, а пять часов, или с шахматами такая же история: после спать не можешь - все время фигуры снятся! С Аркановым или с Бродским играл по пятьдесят партий в день! Не умею я останавливаться! Поэтому, кстати, я перестал играть в карты. Я был большой любитель преферанса и однажды проиграл очень много. С тех пор дал зарок не играть в азартные игры.

- Совсем недавно на прилавках книжных магазинов появились ваши книги, вы решили пойти по стопам отца - стать писателем?

- Видите ли, я немножко вырос из штанишек собственных концертов. Мне хочется как бы большим поделиться, о большем рассказать, это оказалось не таким простым делом - свою энергетику я черпаю в концертах. И все-таки мне хотелось писать. Никакая энциклопедия не сравнится с сатирой. Энциклопедия она все-таки в угоду власти составляется, подлинная же истина заключена в сатире. И когда я написал "Великая страна с непредсказуемым прошлым", "Мы все из чи-чи-пи", "Задоринки", я понял - это сатирический учебник истории. По нему видны все субботники, очереди, плакаты. Такая своеобразная сатирическая летопись от периода застоя до периода оттека. Если время позволит, я напишу еще несколько книг, в них будут и пьесы. Кстати, в том же издательстве издали и книгу моего отца "Цунами".

- Чехов сказал: "Человечество смеясь прощается с прошлым". Как вы думаете, для сегодняшней России это верно?

- Мои коллеги-сатирики сделали очень много, чтобы наш народ простился с советским прошлым, гораздо больше, чем сегодняшние демократы, то жулье, которое делает на этом деньги. Мы на этом деньги не делали, мы проповедовали свои взгляды, и публика наша смеялась на этих концертах, раскрепощалась и, хочется верить, действительно прощалась со своим прошлым, которое было закодировано в генетике нашего человека. И Высоцкий, и Жванецкий, и я - мы подготовили крах этой системы. Знай я меру, я бы проявлял тогда больше осторожности. Мне был запрещен въезд в некоторые города, где потом собирались стадионы, чтобы услышать мое мнение о наших лозунгах, песнях и т.д. Тысячу раз Чехов прав, просто не все еще смеются над своим прошлым, многие еще пока обижаются - значит, они не хотят расставаться с ним, оно держит их, мешая идти вперед. Но все равно я очень люблю нашу публику, наших людей и уверен, что настоящее очеловечивание начнется именно с России, когда наш народ переболеет, перемучается и расстанется наконец со своим прошлым.

- Как вы считаете, у жанра сатирической миниатюры есть будущее?

- В нашей стране - да. Наша публика в отличие от западной любит второй план и мысль. Наш народ более тонко образован, у него потребность думать, размышлять над явлением, и именно она не даст умереть жанру.

- Второй план, что это?
- Мы говорим, шутим, но за всем этим стоит мысль, на Западе же юмор, как правило, бессмысленный - смешной и все. Но возьмите нашего Жванецкого, он читает миниатюру, но только в конце вы понимаете заложенную изюминку смысла, как в правильно построенном литературном произведении. Я тоже четко слежу за тем, чтобы смысл каждой миниатюры раскрывался в конце, а в конце вечера - общий смысл того, что я хотел сказать. Все это совершенно невозможно на Западе.

- А над чем вы работаете сейчас?

- Пятьдесят лет: подвожу итоги.

- Не рано ли?

- Нет, почему, впереди же новые пятьдесят лет!

Алексей Никушин

Жизнь - вредная штука...

Известность пришла к нему в 1984 году, когда он прочитал знаменитое "Два девятых вагона". Сам себя МИХАИЛ ЗАДОРНОВ называет "писатель-задирик", которому затрудняется определить жанр, которому служит вот уже более пятнадцати лет. Автор и исполнитель постоянно борются в этом человеке. Едва прошли концерты в Москве и Петербурге, как читатели получили новый подарок: книги М. Задорнова "Великая страна с непредсказуемым прошлым", "Мы все из чи-чи-пи", "Крохотные звездочки", "Задоринки".

мают длинные монологи - не в состоянии удержать в голове, с чего начал рассказчик. Я читал свои рассказы профессионалам в Америке, для них важен один критерий: это хорошо, это коротко, а это длинновато - не сможет наша публика до конца дослушать.

- Что для вас важнее - собственный имидж или мода, которой требует подчиняться публика?

- Мне не приходится приспосабливаться к публике. Я люблю свою публику, она от меня требует того же, что я хочу делать. Я только одно соблюдаю, чтобы люди ушли не только с ошущением, что они послушали нечто умное, но и в хорошем настроении. В этом смысле я приспосабливаюсь. Я хочу, чтобы все мною приготовленное было бы смешно.

- А как вы вообще к моде относитесь?

- Ну, мода разная бывает. Есть мода на эстрадные песни например. Я, кстати, не очень себя причисляю к эстраде, я промежуточный какой-то жанр. То, что я читаю, не эстрада в чистом виде, хотя я выступаю со сцены и это вроде бы эстрада. Это лучше слушать, а не читать, с такой точки зрения это тоже эстрада. Потом когда мода - это фаны-поклонники. Девушки ко мне не подходят после концерта, стесняются. Одна из них мне призналась: мы боимся при вас сказать что-то не то. Ко мне другая публика ходит - она умеет думать! Так что фанов-мутантов у меня нет, и вопреки расхожему мнению, что чем больше оголтелых поклонников, тем лучше, я считаю, что это хороший признак. Моя публика чувствует себя гордо!

- Вы ее, наверное, дисциплинируете собственным примером?

- У меня иногда создается впечатление, что ко мне и ворюги, и взяточники приходят, но они как бы немножко очищаются здесь, как в

бавляет море, иногда прогулка, иногда побегать надо, скинуть стресс с себя. Но лучше всего меня выручает море в подобных случаях. В Израиле самое чудное, что было, это Средиземное море, а Мертвое оказалось мертвым.

- В жизни вы такой же, как на сцене?

- Такой же. Ничего придуманного нет. Когда-то, лет в восемнадцать, мне хотелось придумать самого себя - научиться как-то особенно улыбаться, но сейчас такая проблема передо мной не стоит. Конечно, дома я менее хохотлив, чем на сцене, но специально я свой имидж не выстраивал.

- А вообще вы человек общительный?

- Первую половину жизни я был очень общительным. Мне скоро пятьдесят лет, и я чувствую, что становлюсь более замкнутым. Может быть, это происходит оттого, что хочется подумать, помечтать, вспомнить свою жизнь. Сейчас иногда я даже сторонюсь общения. И думаю, это нормально, естественно.

- Вы консерватор?

- Я много люблю консервативного: классическую одежду, классическую музыку, классический джаз... Но если говорить об образе мыслей, то тут я, напротив, люблю все новое, свежее, интересное. Я придерживаюсь философских принципов Конфуция, который говорил, что все должно быть в меру и никаких крайностей. Я проповедую то, что знаю, приносит меньше вреда. А любые крайности - это вред. Хотя самого меня скорее можно назвать человеком крайностей, максималистом, во всяком случае таким я был раньше.

- И в чем это выражалось?

- Если я пил в молодости, то допивал все, что было: портвейн с пивом, с водкой и еще немного одеколона сверху... И спортом я занимал-